

Авторская точка зрения не задана, не запрограммирована. Она не декларируется, а формируется через отношение автора к ревнивцу («вечному мужу») и любовнику, складывающееся в процессе художественного исследования многообразных проявлений концепта ревность. Через категорию героя своеобразно «пропускаются» все важнейшие категориальные признаки текста. Возможность воспринимать точку зрения автора в динамическом аспекте позволяет проследить, как от эпизода к эпизоду формируется «большая идея, сообщающая фактам жизни глубину философского обобщения» (Л.Г. Гроссман).

© О.А. Яровая, А.В. Подчиненов
Екатеринбург

ЮРОДИВЫЙ ГЕРОЙ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ».

Подвиг юродства, пишет С.Н. Булгаков, «совершенное отвержение своего психологического лица, маска мумии на живом лице, род смерти заживо - таков предел этого пути самоотречения. Оставаясь ему совершенно чуждым, не юродствуя в сердце своём, нельзя достигнуть христианского отношения к себе и к миру, и в сущности мерою юродства, способностью отрицать мудрость мира сего определяются достижения на христианском пути. Юродство многолико и многообразно, оно не связано с определёнными формами, но повелевает не любить себе своего я, своей самости. Оно требует жертвы сокровенной и ежечасной» (Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994. С. 300). То есть юродство это один из типов жертвы.

Юродство как путь святости «реализует то противоположение мудрости века сего и веры во Христа» (Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 106), которое утверждает апостол Павел: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будет безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость, мира сего есть безумие пред Богом, как написано: «Мы безумны Христа ради» (1Кор.; 4,10).

«Юродивый герой в романе Достоевского герой с особым типом сознания, проникнутого христианской идеей, с особым пространственно-временными представлениями и ощущениями. При этом внешние атрибуты юродивого «Христа ради» Древней Руси редуцируются и отходят на второй план» (Достоевский. Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск. 1997. С. 130).

Юродство предполагает внешнее безумие (бесноватость) как крайнее средство уничтожения гордыни и внутреннее - «юродство в сердце своём».

Оба типа юродства представлены в романе. Внешнее, физическое юродство представлено в образе Лизаветы Смердящей, отчасти в матери Алёши и баб «кликуш», а внутреннее, «внешне обмирщённое» (В. Иванов) - в Алёше.

Достоевский ведёт нас от природного юродства Лизаветы Смердящей, позёрского шутовского юродства Федора Павловича Карамазова, патологического лже-юродства Смердякова к внутреннему юродству Алёши Карамазова.

Юродство Алёши несёт в себе большой идейный смысл. Он большой христианин, чем то принято в мире. В этом смысле автор и исследователи называют его юродивым.

В романе говорится, что Алёша «был уж очень странен», «обиды никогда не помнил», обладал «даром возбуждать к себе особенную любовь... безыскусственно и непосредственно» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 5) и «никогда не заботился, на чьи средства живёт» (14, 19). Алексей был «непременно из таких юношей вроде как бы юродивых, которому попади вдруг хотя бы даже целый капитал, то он не затруднится отдать его по первому даже спросу, или на доброе дело, или, может быть, даже ловкому пройдохе, если тот у него попросил. Да и вообще говоря, он как бы вовсе не знал цены деньгам, разумеется не в буквальном смысле говоря» (14, 20). Катерина Ивановна прямо называет его «маленьким юродивым» (14, 175). Достоевский сам подчёркивает странность и в какой-то мере юродство своего героя. Вот ещё одна черта, которая указывает на близость Алексея к юродивым, отмеченная в романе Петром Александровичем Миусовым: «Вот, может быть, единственный человек в мире, которого оставьте вы вдруг одного и без денег на площади незнакомого в миллион жителей города, и он ни за что не погибнет и не умрёт с голоду и холоду, потому что его мигом накормят, мигом пристроят, а если не пристят, то он сам мигом пристроится, и это не будет стоить ему никаких усилий и никакого унижения, а пристроившему никакой тягости, а может быть, напротив, почтут за удовольствие» (14, 20). На Руси считали за счастье заботу об юродивых и почитали их как людей Божьих, как глашатаев Божией воли.

Алёша в романе подчас прямо объявляет себя посланником Божьим, глашатаем Его воли. Особенно настаивает он на этой своей роли в решающем объяснении с Иваном, когда убеждает брата, что не он убил отца. «Ты говорил себе это много раз, когда оставался один в эти страшные два месяца, по-прежнему тихо и размеренно продолжал Алёша. Но говорил он уже как бы вне себя, как бы не своею волею, повинувшись какому-то неопределённому влиянию» (15, 40) И, наконец, открыто заявляет: «Но убил не ты, ты ошибаешься, не ты убийца, слышишь меня не ты. Меня Бог послал тебе это сказать, я тебе на всю жизнь это слово сказал: не ты! Слышишь на всю жизнь. И это Бог положил мне на душу тебе это сказать, хотя бы ты с сего часа навсегда возненавидел меня» (15, 40-42). Тоже чувство посланника, глашатая, испытывает он, произнося речь у могильного камня Илюшечки в эпилоге романа. Алёша постоянно осознаёт пребывание своё в Боге и свою миссию исполнителя, послушника воли Божьей.

На «юродивость» героя указывает и тот факт, что Алёша Карамазов является посредником между своими родными, принимающем на себя

удары, адресованные его братьям, и в довершении всего проходит испытание «тлетворным» духом.

Подчёркивает близость образа Алёши к юродивым прежде всего внутреннее преодоление им колебания после смерти старца Зосимы. Эти колебания, как отмечает Вяч. Иванов, предопределены первообразом юродства - образом евангельского Христа, имевшего богочеловеческую природу и колебавшегося перед страстями и крестной мукой: «А около 9-ти часов возопил Иисус громким голосом: Или! Или! Лама савахавами! то есть: Боже мой, Боже мой! для чего ты меня оставил» (Матф. 27,46).

Не случаен так же и тот факт, что мать Алёши была в какой-то мере тоже юродивой. В романе читаем: «...с самого детства с запуганной женщиной произошло вроде какой-то нервной женской болезни, встречаемой чаще всего в простонародье у деревенских баб, именуемых за эту болезнь кликушами. От этой болезни со страшными истерическими припадками, больная временами даже теряла рассудок» (14, 13). Эту болезнь в народе называли беснованием. Юродство же как тип поведения «использует ту модель, которая была задана бесноватыми, жившими у мощей святых» (Краткий словарь агнографических терминов, с. 108). В житиях юродивых повторяется часто мотив восприятия их как одержимых бесами. То же самое однажды произошло и с Алёшей: «...с ним повторилось точь-в-точь то же самое, что сейчас только что он (отец) рассказывал про «кликлушу»: Алёша вдруг вскочил из-за стола, точь-в-точь как, по рассказу, мать его, всплеснул руками, упал как подкошенный на стул и, так и затрясся вдруг весь от истерического припадка внезапных, сотрясающих и неслышных слёз. Необычное сходство с матерью особенно поразило старика» (14, 127).

В романе подчёркивается ещё одна черта характеризующая мать Алёши как юродивую: её «феноменальное смирение» (14, 14), которое унаследовал от неё герой романа.

Вл. Соловьёв, высказал мысль о том, что «юродивые - это своего рода иррегулярные монахи». Нам известно, что Алёша был монах, хотя жизнь его нельзя назвать монашеской, он то и дело покидает монастырь из-за мирских забот. Но чтобы сохранить незамутнённость взора, герою приходится время от времени удаляться от мирской суеты, чтобы общаться с миром небесным, где появляется ощущение вечности.

Юродство Алёши - акт саморефлексии героя, его важная, неотъемлемая часть характера, его психологии. Алёша, «юрודствуя в сердце своём», повелевает себе не любить «своего я», своей самости и требует постоянной жертвы от себя во имя окружающих его людей.

В романе «Братья Карамазовы» в образе Алёши представлены два типа жертвы: первый - юродство, второй - самопожертвование сопряжённое с действенной любовью к людям.

Автор, знакомя читателей с Алёшей, называет его героем своего романа: «Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Фёдоровича Карамазова,

нахожусь в некотором недоумении, а именно: хотя я и называю Алексея Фёдоровича моим героем, но однако, сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и предвижу неизбежные вопросы, в роде таковых: чем же замечателен ваш Алексей Фёдорович, что вы выбрали его своим героем» (14, 5). Из этих слов уже становится ясно, что Алексей Фёдорович особенный персонаж, хотя он и «не герой вовсе, а человек странный, даже чудак», «пожалуй, и деятель, но деятель неопределённый, не выяснившийся» (14, 5).

Кто же тогда он? Милый юноша, почти ещё мальчик («было ему всего двадцать лет» (14, 17), но «рано восскорбевший за себя и за других скорбью умудрённого сердца» (Иванов Вяч. Эссе. Статьи. Переводы. Изд. D.L. 1985. С. 95). Стыдливый как девушка; целомудренный до того, что «не мог слышать известных слов и известных разговоров про женщин...когда заговорят «про это», быстро затыкал уши пальцами» (14, 18), но всегда готов помочь там, где нужно, делом и добрым словом; пожалуй, в самом деле «ранний человеколюбец» с глубокой сердечной отзывчивостью и стремлением к деятельной помощи окружающим его людям.

Алёша открыт миру, легко сходится с людьми, безусловно доверяет всем; любому и каждому. «Людей он любил: он казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простачком, ни наивным человеком» (14, 19).

Алёша готов жертвовать собой ради любви к ближнему. По мысли исследователей, Алёша в начале романа, подобно Алексею - божьему человеку - ещё не обрёл истинной христианской, неизбирательной любви к людям, все его симпатии сосредоточены лишь на возлюбленном старце, а любовь к Богу и к людям носит пока мечтательный характер, далека от деятельного добра. Старец отсылает его в мир для подготовки к деятельной любви, для испытания искусами мира. Пройдя через цепь этих искушений (прежде всего в родительском доме), Алексей Карамазов в конечном счёте обретает способность любить всех (Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977. С. 161 - 192; Щенников Г.К. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания. Челябинск. 1996. С.129 - 167).

Но это утверждение не совсем верно, так как Алёша с самого начала обладает неизбирательной, «таившейся в молодом и чистом сердце его ко всем и вся» (14, 306), любовью.

Зосима отправляет Алёшу в мир как инока, который должен примирять и соединять людей: «Мыслью о тебе так, изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесёт тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь - что

важнее всего» (14, 259). Жизненная цель Алёши - служение ближним, «неотступное огненное борение с грехом человеческим, неустанное

стояние на стражи душ людских перед Богом, духовное водительство этих душ на пути к спасению...» (Щенников Г.К. Указ. соч. С. 143).

Алёша Карамазов то и дело оставляет монастырь ради братских и сыновних забот. Он постоянно готов помочь там, где нужно, делом и добрым словом. Алёше свойственно «самочувствие человека, посланного в мир на спасение людей» (Там же. С. 143).

Братья и окружающие его люди постоянно обращаются к Алёше за помощь, за советом, одобрением и ждут от него участия в своих делах, так и происходит: в романе Алёша помогает духовно воскреснуть Дмитрию, он успокаивает раздвоенную душу Ивана, примиряет мальчиков, «луковкой» оказалась для Груши сострадание Алёши, с его помощью разбирается в своих чувствах Катерина Ивановна.

Алёша не только помогает ближним, он сострадает им. Достоевский видел в сострадании самое высокое проявление деятельной любви; которая способна изменить мир. Для Алёши сострадать - значит жертвовать «своим я» во имя страждущих, во имя их спасения.

Достоевский понимает, что не в успокоении людей заключается сострадание. В Евангелии от Матфея Христос говорит ученикам своим: «Не думайте, что я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл я принести, но меч» (Матф.; 10,34). «Меч разрушает ложное спокойствие, освобождает совесть. Христос пришёл с мечом потому, что сострадал человеку и не хотел, чтобы люди остались спокойными в своём отпавшем от идеала состоянии» (Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. М. 1998. Т. 3. С. 365). Именно такое сострадание присуще Алёше Карамазову. Сострадая, он берёт меч и способствует угрызениям совести, тем самым вызывая страдание у грешников. Он признаётся брату Ивану (вместо того, чтобы успокоить его), что и он думал, что Иван желал смерти отцу. Алёша не обвиняет его, но не останавливает работу совести Ивана, ибо хочет, осознал своё участие в преступлении и, следовательно, страдал за нарушение закона любви.

Для Алёши всё определяется способностью любить человека христианской, самоотверженной любовью. Он принял в своё сердце христианский идеал самоотдачи и любви к ближнему, и поэтому он не может оставаться равнодушным при виде страдания и падения людей. Он способствует развитию личности братьев своих. Алёша сострадает и страдает со всеми. Неся крест страдания и жертвуя собой ради ближнего, Алёша тем самым даёт возможность человеку искупить свой грех и воскреснуть «падшему человеку».

Для Ф.М. Достоевского и его героев важна внутренняя и добровольная Голгофа, чувство совиновности со всеми, самоотвержение и самопожертвование ради ближнего. Достоевский ведет героев своего романа по пути очищающего страдания, жертвы к конечной цели - возрождения павшего человека.